

МОЯ ПРАБАБУШКА ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кыстрова Татьяна Александровна («бабушка Таня» – на самом деле, она моя прабабушка Таня) родилась 16 января 1919 года в городе Алексине. Позже её семья переехала в Москву. Жили они не в своём доме, потому что однажды – 16 января, то ли 1925-го, то ли 1929-го года – точно в её день рождения, – в их дом пришли вооруженные люди, перерыли все, а потом вывели семью на мороз – двух взрослых, одну старушку и четырех детей, и заперли, опечатав, дом. Если бы не взяла их к себе одна женщина, которую когда-то, как бездомную, приютил у себя еще дед бабушки Тани, то непонятно, как бы они пережили это трудное время!

Бабушка Таня училась в школе очень хорошо, кончила её с отличием, и её наградили поездкой на море, которую невозможно было и представить себе для такой бедно живущей семьи. И еще ей прислали много пригласительных писем из разных институтов, чтобы она, Татьяна Александровна, могла поступить без экзаменов в любой ВУЗ. Она решила пойти в Бауманский институт (МВТУ им. Баумана – теперь называется МГТУ). Там она познакомилась и со своим будущим мужем, моим прадедом, Сошинским Анатолием Михайловичем. В 1940 году они поженились, учеба в институте шла к концу, и прабабушка Таня (ей было тогда 22 года) уже начала делать дипломную работу.

На фотографии – студенческий билет прабабушки Тани. На следую-

щей фотографии – прабабушка Таня и прадедушка Анатолий.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на нашу страну. Началась страшная Великая Отечественная война. В интернет-энциклопедии Википедии говорится, что за четыре года войны у нас погибло или умерло 27 млн. человек, причем $\frac{3}{4}$ их в тылу, то есть, обычных мирных жителей. Когда началась война, бабушка Таня продолжала работать над дипломом, несмотря на то, что она была беременная. И вот на десятый день войны, 2 июля 1941 года, у нее родилась дочь, которую назвали Люсей (Людмилой).

На следующей фотографии – бабушка Таня с родителями и братьями. Она в центре во втором ряду. В первом сидят ее мама и папа, слева с краю ее двоюродная бабушка Юля, и между родителями – младший брат бабушки Тани Павлик. Слева от нее брат Володя, справа – брат Александр. Фотография сделана в 1940

году.

Бабушка Таня еще была в роддоме, когда оказалось, что Бауманский институт собирается эвакуироваться. Ее муж срочно забрал ее и новорожденную Люсю из больницы, и все – бабушка Таня, её муж, ее отец, мать и брат Володя эвакуировались с институтом. Отказалась ехать только старушка Юля, сказала: хочу здесь умереть. Она не дожила до конца войны.

Брат Павел куда-то уезжал, когда началась война, и он не мог поехать с институтом. Он был еще школьником. Когда он вернулся в Москву, его взяла к себе жить мама очень близкого друга Татьяны Александровны. Она ухаживала за ним, как будто это был ее родной сын. И в голодные дни ее семья равно делила с ним свой паек. Павел, прибавив себе год и добровольно пошел на фронт, где стал сапёром. Там его ранило два раза, один раз очень тяжело, но он остался жив.

А брат Александр был освобожден от военной службы. Когда началась война, он жил в Харькове, и оказался на оккупированной территории. Был голод и постоянные расстрелы. Он рассказывал моему дедушке, что немцы были разные. Одни лютовали и убивали. А другие говорили (на плохом русском): мы такие же, как вы, люди. Бойтесь не нас, а эсесовцев. И даже давали какую-то еду новорожденному ребенку Александру.

Поезд, на котором ехала бабушка Таня, попал под бомбежку, но все

обошлось. Они стали жить в городе Куйбышеве (Самара), а потом под Куйбышевым. Москвичи голодали, у них не было земли и продовольствия. От голода тем, кто эвакуировался, приходилось по ночам отбивать у свиней мороженую картошку, и даже отбивать ее, потому что свиньи не отдавали. Поэтому, смеясь, они называли её «свиная отбивная».

Еще бабушке Тане приходилось ездить менять какие-нибудь вещи на еду. У нее была новорожденная дочка и пожилые родители, всех надо было кормить. Проезд в военное

время был запрещен, и она ездил на подножке поезда (таким образом, иногда проезжала до 300 км.). Однажды в зимнее время, в тридцатиградусный мороз, она чуть не погибла,

потому что дверь в вагон была закрыта, Таня висела на подножке, слабая от голода, за спиной тянул мешок, а руки ооченели и переставали держать. Вдруг ее заметили, и в последний момент втащили в тамбур.

Другой раз у неё получилось зайти в вагон. Там ехали солдаты. Вдруг появился патруль, проверяющий наличие билетов. У нее отобрали бы все скудные вещи, которые она везла, а саму посадили бы с поезда, или арестовали. Но один солдат, занимавший третью полку, сказал: «быстро лезь сюда, прячься за мной!» Она влезла, спряталась, и патруль у всех проверил документы, а ее не заметил. Тогда все солдаты развеселились, что спасли девушку, поставили на стол хлеб, чай, даже спирт, и получился праздник.

Вообще бабушка Таня рассказывала своему сыну, моему дедушке, что война было страшное время, но все же молодое, и удавалось радоваться.

А вот страшное воспоминание.

Однажды Татьяна Александровна зашла в деревню – менять вещи.

Постучалась в дом – тишина, постучалась в другой – тишина. Зашла – и только мёртвые тела лежали на полу. Так она прошла через деревню. (Тогда еще была какая-то особая эпидемия, вроде опасной ангины, от нее люди умирали.) Только в одном доме той деревни бабушка Таня увидела на печи лежавшую, ослабевшую от голода женщину, и рядом двух связанных маленьких детей. Та объяснила, что связала их, потому что они от голода кусали мать. У бабушки Тани тоже не было с собой никакой еды.

Маленькая Люся помнила это время. Но я знаю только то, что позже записала с ее слов (уже взрослой) корреспондент одной газеты. Люся сидит на каких-то ступеньках, дует ветер, и поразительно сияют небо, зелень и солнце. И, как она сама сказала, «радость бьет в горло».

В эвакуации умер брат бабушки Тани Володя (1916 – 1942г.г.). Сама она заболела той страшной ангиной, но ее вылечили. А вот ее папа войну не пережил. Он заболел пеллагрой, нужно было усиленно питаться, а был голод. Однажды, и опять в день рождения бабушки Тани, 16 января 1944 года, он, больной, пошел что-то менять на рынок, надеялся принести еду. Но не вернулся. Тогда, уже ночью, Таня побежала искать папу. Всю ночь искала.

На другой день на рынке ей сказали, что под снегом подобрали какого-то старичка, отвезли в больницу. Но спасти его не удалось. Он умер в то утро.

Зимой 1944-1945 года брат Павел, заехав с фронта (или после госпитализации) в Москву, организовал возвращение Татьяны Александровны

вместе с мамой и дочкой. Бабушка Таня вновь пришла в МВТУ, искать свой почти написанный диплом. Но все архивы вывозились, бумаги были утрачены, просто выброшены.... Вдруг за шкафом она нашла свою не законченную работу. Стала вспоминать ее содержание – ведь прошло почти четыре страшных года. Ей защиту диплома назначили на 10 мая. И вдруг – конец войне (9 мая, накануне защиты)! Великая радость для всех. Говорят, люди на улицах плакали, смеялись, целовались, плясали! И на защите диплома все в ученой комиссии были счастливыми! А бабушка Таня была беременная, ждала ребенка, и это все видели. И для всех ученых в комиссии это тоже означало, что начался мир. Так начало войны совпало для бабушки Тани с рождением дочки Люси, а конец – с

рождением сына Сережи.

Через два месяца после окончания войны, и защитой бабушкой Таней диплома, 8 июля 1945 года родился у нее сын – мой дед.

В будущем бабушка Таня несколько лет работала в Бауманском институте, участвовала, как инженер, в работе, получившей сталинскую премию (очищение воздуха в метро на случай атомной войны, чтобы люди могли дышать). Потом защитила кандидатскую диссертацию, перешла в другой институт (НИИСС – те-

скульптором и керамистом. Ее работы есть в Третьяковской галерее, в Русском музее, и других местах. На фотографии слева видна ее работа – отлитый в металле Георгий Победоносец, установленный на высокой колонне на Рязском шоссе под Москвой.

А сын Серёжа родил двух сыновей, четырёх внуков и потому стал моим дедушкой!

МОЯ ВОЙНА, МОЯ ПОБЕДА

Эти слова звучат очень громко, когда дело касается маленькой девочки. Но вот некоторые мои «военные» воспоминания. Часть из них – по рассказам матери, а часть мои собственные переживания.

Начну с того, как в эмиграции относились к немцам. И сразу хочу отметить, что их ошибочно называют «фашистами». Фашистами были итальянцы. Слова «фашио» означает по-итальянски пучок, он был эмблемой крестьянского итальянского профсоюза. А немцы были нацистами (национал-социалистами). Я предполагаю, что, так как в СССР строился «социализм», то называть врага социалистом было как то «неприлично», если социалист, то должен быть «другом». Но это мои размышления.

Итак, когда началась война в 1939 году, некоторые эмигранты думали, что немцы могут быть той силой, которая может свергнуть большевистскую власть в России. Но когда они напали на СССР и начались их зверства, то многие поняли, что их ожидания праздны. А в РОА (Русской Освободительной Армии генерала Власова) думали воспользоваться немецким вторжением и своими силами освободить Родину. Конечно это было романтической утопией, но многие поверили в нее и с чистой совестью шли в ряды Власова, чтобы послужить освобождению России от коммунистической власти.

После этого вступления приходу к моим детским воспоминаниям. В нашей семье было уже 2 девочки, моя старшая сестра Елена и я Мария, когда в апреле 1944 года родился наш брат Николай. Ему было два месяца,

когда союзники высадились в Нормандии. Мы жили в пригороде на Северо-Западе Парижа. Союзники все больше приближались к столице и довольно скоро появились в нашем пригороде. Но Париж еще был оккупирован. Вблизи от нашего многоквартирного дома в конце длинного тупика была усадьба, и какая то американская часть там обосновалась. Часто в этом тупике они играли в какую-то странную игру, и мы только гораздо позже узнали, что это бейсбол. Французы боялись с ними общаться «а вдруг немцы все же победят», а наша няня белоруска – Анна Субач, ходила с нами гулять в этот тупик и так как она знала несколько слов по-английски, мы очень подружались с этими солдатами. Они же уже давно не видели своих семей и возможность поиграть с маленькими детьми было для них приятным развлечением после битвы. Мы были одарены замечательными подарками: карандашами, маленькими плит-

ками шоколада и я прекрасно помню темно-коричневую бумагу с золотыми буквами на этих плитках, и, конечно, они нам давали жевательную резинку, но почему-то и няня и мама у нас ее тут же отбирали. А мы вообще не знали, что с ней делать.

Пришло лето и так как начинались бои вокруг Парижа, с продвиганием было все труднее, родители решили нас увезти в деревню. Куда? У родителей не было никакого сомнения – в Розэ-ан-Бри. В этом поселке, где проживало где-то 1000 жителей был дом для престарелых нашего православного прихода – Храма Христа Спасителя в Аньере. В этом доме была своя церковь, свой священник, а в нашей семье жить вдалеке от православного храма было немислимо. Эта деревня находилась в 50 км от Парижа на восток. Розэ-ан-Бри (или еще ее называли Розу-ан-Бри) была еще и интересной с исторической точки зрения. Там были целые улицы со средневековыми

домами с выступающим вторым этажом над первым, были крепостные стены, церковь 13-го века. Эта церковь еще знаменита тем, что камень боится и ученые со всего мира приезжают изучать эту болезнь.

Мама сняла домик для нашей семьи. Папа продолжал работать в Париже, а затем в Бельгии. Но чтобы мама все же как то была связана с внешним миром, папа ей соорудил радиоприемник на галените, наушники и настроил его на лондонское радио.

Мои первые воспоминания о войне в этой деревне ощущаются и до сих пор. Когда ночью начинали выть сирены и, значит, приближалась бомбардировка, мама заворачивала братика в одеяло, а я за руку с сестрой, обе в пижамках, вместе с ней и няней уходили в подвал соседнего дома, так как в нашем домике подва-

ла не было. У меня осталось от этого ощущение самолет-ночь-холод. И до сих пор я могу спокойно сидеть и, скажем, читать, вдруг дрожь по спине, мне достаточно прислушаться – где-то недалеко пролетает самолет. А с тех пор прошло более 60 лет!

Иногда папа на велосипеде приезжал к нам, но это было редко и опасно, а деньги посылать по почте почти невозможно и чтобы нас прокормить мама нанималась на фермы, чтобы варить там мыло. А за это получала яйца, молоко и творог.

Так как мы уже неоднократно

ездили в эту деревню у мамы были некоторые французские знакомые. Главными были врач и хозяйка гостицы «Дикарь».

Мама доверяла этой милой женщине и рассказала про свой радиоприемник, а та рассказала маме, что она возглавляет местное Сопротивление. И мама под видом пойти поболтать со знакомой ей передавала все, что она слышала по радио. Такое знакомство очень послужило при трагических обстоятельствах, связанных с нашим братиком.

Для нас братик был нашей живой куклой, и мы как могли им занимались, с ним играли, ему пели песенки.

Как то в августе мама заметила, что у брата кровь в пеленках, сразу вызвала врача (который тоже был в Сопротивлении) и он сказал, что это заворот кишок и немедленно нужно в больни-

цу. Больница в 10 километрах, транспорта нет, бензина нет. К счастью мамини знакомые помогли. Единственный человек, который мог без препятствия от немцев передвигаться и имел машину, был местный пекарь-булочник, который развозил хлеб по всем другим деревушкам. Он отвез маму в больницу. В больнице переполох. Париж освобождается (19-25 августа), немцы отступают, а деревня находится как раз на дороге их отступления по направлению в Страсбург. В больнице нет электричества, а единственный хирург – молодой еврей, прячется в лесу из-за опасности для жизни. За ним пошли и при свечах, с эфиром в качестве наркоза он проводит операцию на малыше, которому немного больше 4х месяцев. После окончания опера-

ции хирург подходит к маме и говорит, что операция прошла удачно, но он не может ей дать никакой надежды, так как Николеньку нельзя кормить 48 часов и чтобы швы не разошлись, он за эти 48 часов не должен ни плакать, ни кричать. Он не знал силы веры и молитвы моей мамы. Она встала на колени у кровати и 48 часов не ела, не пила и только молилась. Когда хирург зашел через 48 часов и увидел маму на коленях, а братика живым, он сказал, что это чудо.

Вскоре мама с братиком вернулись к нам в деревню.

Надо сказать, что кроме ее хороших знакомых и престарелых из нашего прихода, в этой деревне на нас смотрели немного искоса. Что эти русские из себя представляют? Друзья или враги? И тут произошло событие, которое им показало, что мы точно не враги. Домик, который мама сняла для нас, был на главной улице – улице Парижской. Теперь она называется Улицей Генерала Де Голля. И конечно, как только что-то на улице происходило, мы с сестрой высовывались из окна первого этажа. И как то мы видим эшелон грузовиков с американскими солдатами. «Наши-ми» солдатами. Теми самими, которые стояли рядом с нашим домом под Парижем. И что вы думаете? Эшелон останавливается, солдаты вылезают из грузовиков и с криками Хелен, Мэри, выгаскивают нас из окна, подбрасывают в воздух, вытягивают все, что могут из своих запасов (тушенка, масло, сыр и конечно... шоколад...) и нам дарят. Елена и я стали на какое-то время «звездами» этой деревушки.

Конечно по сравнению со всем тем, что люди переживали в России, эти строки покажутся ничтожными, легкомысленными, но Елене было 6 лет, а мне 3 с половиной годика. Вот такие у меня воспоминания о войне.

Мариша Жесткова